

Михаил ВОЛОХОВ

СОРОК ВОСЬМОЙ ГРАДУС СОЛНЕЧНОЙ ШИРОТЫ

трагикомедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Света
Вера
Саша
Семен
Галя
Сергей
Фарцовщик
Художник

Москва, наши дни.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Квартира Семена, спальня. Много дорогих, но безвкусовых вещей. В центре комнаты большая двуспальная кровать. Окна занавешены плотными шторами. С ночи не выключен проигрыватель: там осталась пластинка, которая шипит на последнем обороте. На столе остатки пиршества.

*На кровати через одного лежат: Вера, Художник, Света, Фарцовщик.
Конец лета. Слышен шум улицы - день давно начался.*

Света (во сне). Мама! Мамочка. Нет! Мамочка! (Открывает глаза, приподнимает голову, но тут же прячется под одеяло.)

Встает Художник. Смотрит на часы. Выключает проигрыватель. Кашляет. Смотрит куда сплунуть. Подходит к окну. Плюет в окно.

Света высовывает голову из-под одеяла. Художник оборачивается. Света опять прячется под одеяло. Художник толкает Фарцовщика.

Ф а р ц о в щ и к. А? А? А-а-а. Чух-чух-чух. (Мотаает головой.)

Художник показывает на часы, бросает Фарцовщику полотенце. Потом встаёт Фарцовщик. Они собирают свою одежду и уходят в ванную.

Света кашляет, передразнивая Художника, потом плюет демонстративно им вслед. Склоняется над Верой. Та спит. Поправляет ее подушку и одеяло. Возвращаются Фарцовщик и Художник. Света прячется под одеяло.

Ф а р ц о в щ и к (шепотом Художнику). Я те говорю - пальчики оближешь.

Художник наливает Фарцовщику и себе водку. Фарцовщик морщится, мимикой показывает, что пить не будет. Показывает на печень. Художник все выливает в один стакан, пьет, морщится, поглаживает живот в области печени, садится за стол.

Х у д о ж н и к. У всех печень. (Пауза.) Серебро, тринадцатый век?

Ф а р ц о в щ и к. Оближешь.

Пауза.

Х у д о ж н и к. Ну что? (Показывает на стол, на кровать. Лезет в портмоне, ковыряется в деньгах.)

Ф а р ц о в щ и к. Я начинал - я кончаю, дорогой. (Достает из кармана сотенную и пятидесятирублевку. Смотрит куда положить.)

Света резко высовывает из-под одеяла руку и показывает на свободный стул. Фарцовщик кладет деньги и выходит из комнаты, весело посвистывая.

Художник и Света пересекаются взглядами. Пауза. Художник достает из портмоне двадцатипятирублевку и прикладывает к остальным деньгам на стуле. Улыбается, разводит руками. Достает записную книжку, пишет, отрывает листок, протягивает его Свете.

Х у д о ж н и к. Звякни. Все о'кей будет. (Уходит из квартиры.)

Свету неожиданно распирает истерический смех. Также неожиданно он прекращается. Она тяжело вздыхает. Берет с тумбочки зеркальце, смотрится. Сравнивает свое лицо с Вериним. Кладет зеркальце на место. Отрешенно смотрит в отдаленную точку.

Поднимается Вера. Мотаает головой.

В е р а. Еще. Еще. Еще! Фу. (Закуривает.)

Света смотрит на нее, потом встает, одевает халат, уходит в ванную. Слышен шум душа.

С в е т а (из ванной, кричит). Вер, чайник поставь! Твоя очередь!

Вера не реагирует. Сидя в постели, с сигаретой во рту, силится делать какие-то гимнастические упражнения. Потом отрешенно смотрит в отдаленную точку.

Появляется Света. Включает фен, сушит волосы. Выключает фен. Берет со стола рюмку и говорит в нее, как в микрофон.

С в е т а. Выступает!.. Выступаю я. (Поет.):

Люди гибнут за металл!

Люди гибнут за металл!

Сатана там правит бал - там правит бал!

Сатана там правит бал - там правит бал!

В е р а (подходит к Свете, вырывает рюмку). Дай сюда. Разобьешь. (Стонет, садится на стул. Наливает водку, пьет.)

С в е т а. А мне наплевать, что у тебя по утрам раскалывается голова. Наплевать!

В е р а. Заткнись.

С в е т а. Алкоголичка.

В е р а. Что?

С в е т а. Это же искусство.

В е р а. Что? Нам вместе работать долго, и по голове по утрам своим искусством прошу не долбать. (Берет полотенце, уходит в ванную.)

С в е т а. Вот дура. (Открывает бутылку сухого, ломает шоколад, режет лимон, пьет, закусывает.)

Входит Вера.

В е р а. Ты опять лимоны в ванну бросаешь?

С в е т а. Лимоны? А-а. Ну не есть же мне их! (Проглатывает лимонную дольку.) Такая кислятина. (Запивает вином.) Ты что - вообще!

В е р а. Там полиэтиленовый пакет. Потом в мусоропровод. Засоришь ванну - сама с Семеном расчухивайся.

С в е т а. Ну, все, все - точка! Сама так сама. Не маленькая. (Пауза.) (Мягче.) Налить? (Предлагает вино.)

В е р а. Сама! (Наливает водку, пьет.)

С в е т а. Что ты с утра на стену лезешь? Не кастрировать же меня из-за этих лимонов.

В е р а. Намекаешь?

С в е т а. Надоело! Мне надоело пол-утра говорить о противозачаточных лимонах в ванне! Тебе хорошо - у тебя нет этой проблемы.

В е р а (кричит). Бесплодие - мое алиби! Алиби!!! Сволочь. (Закуривает.)

Пауза.

С в е т а (трогает Веру рукой). Ну. Эй, Верочка. Ну, извини, Верочка. (Живо.) А, между прочим, одна сигарета уничтожает в организме двадцать пять миллиграммов витамина С. А в лимонах этого витамина С... Прости. Я сама все съем. Хочешь? Смотри. (Заталкивает в рот все лимонные дольки - морщится, но проглатывает.)

В е р а. На здоровье. (Берет со стула деньги.) Сотня. Полтинник. А четвертак откуда?

С в е т а (*вырывает двадцатипятирублевку*). Это, это художник - мне.
В е р а (*смеется*). Борода? Но ведь с ним была я. Тогда уж мне премиальные.
С в е т а. Он и телефон оставил. Вот. Мне.
В е р а. И за пару дешевых колготок он ее отведет на Голгофу. Дешев он как Художник.
С в е т а (*умоляет*). Я ее сейчас в окно. Я так хочу. Можно?
В е р а. Дикие вы, провинциалки. Выбрасывай. Толку.
С в е т а. Я хочу сделать сейчас кого-нибудь счастливым. (*Бросает двадцатипятирублевку в окно.*)
В е р а. Деньги не приносят людям счастья. Свой полтинник хоть возьми. (*Дает ей пятидесятирублевку.*) Ну и кто там твой счастливец?
С в е т а. Не знаю. (*Отходит от окна.*) Ветерок унес. Как этот художник на меня смотрел. (*Рвет листок с телефоном.*) Вот такая борода. Чешется, наверно. (*Напевает.*): Люди гибнут за металл.
Люди гибнут за металл.
Извини. Проклятая песня - с утра прицепилась.
В е р а. В кабаке у тебя хуже с пением получается.
С в е т а. А я не могу петь, когда жуют. Мне кажется, что песню жуют и проглатывают вместе со мной! Вот мама пела - все жевать прекращали. Когда мы жили в Москве - ее приглашали в лучшие рестораны.
В е р а. Почему и уехали.
С в е т а. Мама мечтала петь в опере. Не вышло. Потом она сильно болела - московский климат.
В е р а. Рассказывала. А на Алтае ее, значит, вылечили походы на лошадях. Жалко тех лошадок - они не могли спокойно жевать травку. Они вам, верно, подпевали. Две лошади, две певички. Квартет. Как вы его называли? Иго-го?
С в е т а. Ты злая, ты очень злая девушка.
В е р а. Врешь - справедливая.
С в е т а. Мама часто вспоминала Москву. Нашу добрую старую квартиру на Тверском бульваре, где Ермолова...
В е р а. Коммуналку на втором этаже под счастливенькой циферкой семь. Полуподъезд-полуподвал чуть правее музейного входа; пахнущую пылью деревянную лестницу; ермоловских клопов, ермоловских тараканов. Да?
С в е т а. Ты жестокая. Ее вдохновляли эти воспоминания, до самого последнего часа вдохновляли.
В е р а. Понятно - она ни на миг не оставляла надежды прославиться так, как прославилась Ермолова. Единственно, в несколько ином жанре - нашем жанре.
С в е т а. Нет! Откуда ты знаешь?
В е р а. Сама же трепалась.
С в е т а. Я? Сама?
В е р а. Трепалась.
С в е т а. Нет! Не помню. Ничего не помню. Но маму воспоминания о Москве вдохновляли. (*Пауза.*) Это я помню.
В е р а. Послушай, дорогая, эти воспоминания и мне не дают спокойно жевать... спокойствие утра.
С в е т а. Уже день.
В е р а. Тем более.
С в е т а. Ты живешь, чтобы есть, а надо...
В е р а. А надо жрать, чтобы о жратве думать не хотелось! Послушай, твоей мамы больше нет? Нет. Я - есть? Есть. Моя больная голова есть? Есть. У тебя

здоровая голова есть? Есть. Ты должна понять, что бредить умершей матерью изо дня в день - блажь на воде и соли. Может, я и не права. Скорей всего. Но, миленькая девочка, у меня череп раскалывается. Пойми.

С в е т а. Я просто сказала, когда мама пела - все жевать прекращали. (Пауза.) А я, я, когда пою я, мне что-то мешает - ты знаешь, мне почему-то стыдно. Я стесняюсь показать все, на что я способна. Только перед мамой я не стеснялась. И тогда мой голос звучал, звучал, как вылупившийся младенец. Так мама говорила. Ты бы слышала. Я боюсь, что без блата меня в консерваторию не примут, потому что на экзамене я буду обязательно стесняться. А если не примут, я же сойду с ума. Мама говорила, чтобы стать великой певицей, надо в молодости правильно поставить голос. Мама, как могла, конечно, мне поставила. Но ведь она сама так и умерла с непоставленным голосом. И поэтому мне нужны деньги - много денег, чтобы дать взятку какому-нибудь профессору в консерватории. Деньги, взятки, блат - это все бездарно, безнравственно, я понимаю. Не хочется думать.

В е р а. У тебя добрая душа - тебе придется нелегко.

С в е т а. Не знаю. Наверно. Но только я бы не смогла уйти из дома, как ты. Плохие родители - хоть какие-то родители.

В е р а. Они каждый день пили водку и закусывали коньяком - каждый. Торгаши - фатальные торгаши. Эти бесконечные разговоры: купи-продай. Я и сейчас уверена, что они меня сначала по ошибке купили, а потом никак не могли сдать в комиссионку. Пока я сама себе не сняла квартиру. Тоже ведь любовь с искусством крутила. Хотела заняться живописью, хотела стать актрисой, писала стихи. Что-то где-то получалось, а в целом - нигде. Сейчас вообще - полнейшее отупение. Потом встретился Семен... Потом на каком-то повороте попался Сашка с высшим техническим - тоже какие-то проблемы. Теперь вот купили кооператив - одна проблема долой. Наверно, мне свободы хотелось - ну и получила свободу. А свобода - это тоже проблема.

Пауза.

С в е т а. А у меня нет родителей. Мать умерла, а отец погиб от ножа в уличной драке - мама рассказывала. Теперь вот Москва, этот Семен... И почему я стала проституткой? Еще недавно я бы в это не поверила. Я бы никогда не поверила, что какой-то плюгавый Семен меня совратит, предложит стать проституткой и я соглашусь, безропотно соглашусь. Ради денег. А Семен был лучшим маминым другом и моего отца - мама говорила. А что со мной сделал? Что я с собой сделала? Никто не виноват. Жизнь такая. (Пауза.) Просторный у вас дом. На каждом этаже по две квартиры. Знаешь, я только сейчас поняла, зачем вы взяли самый верхний этаж и с Семеном напротив. Сел в лифт, вышел - и никакие соседские глаза тебя не усекают. Сложно было здесь так поселиться?

В е р а. Не сложно, если ты старший мэтр кабака высшего качества - без пяти минут директор. Семен котируется на уровне министра. Любую консерватуху на бумажник сменяет. Так что - надейся.

С в е т а. Не нужна мне такая консерватория - никакая консерватория мне не нужна!! Пропади все пропадом.

В е р а. Это точно.

Входит Семен.

Семен. За шахматистками. Доброе утро, девочки. Как спалось, вареники ленивые? И куда я подевал свои фишки? *(Ищет шахматы.)* А слышали, Рейган на нейтронную бомбу пошел. Гуманист-киноартист. Ковбой - ливес штраус. Ливес штраус без ковбоя. *(Смеется.)* Вот они. *(Находит шахматы.)* Теперь *(смотрит на часы)* до полчетвертого не пропадем. *(Достает записную книжку.)* Так - распишем по позициям. *(Пишет.)* Значит, звонил Толян. К шестнадцати за черными сексуальными чулками с ромбиками и кружочками: для вас, девочки - первейшая атрибутика. И парфюмерия там какая-то еще обещалась французская. Накладка. На шестнадцать же эти новобранцы от Шурика. Кадровый вопрос. И вот еще, Верочка, тебе выручать. Один клиент вне очереди напросился - ты помнишь его: мумие достает, травку.

Вера. Федор? Ботаник?

Семен. Он. Влюблен наш отец Федор - в тебя. *(Смотрит в записную книжку.)* И тоже на шестнадцать. Стольник отстегивает. Только приберешь здесь. Хорошо? Так. Если за чулками Светочку. Так. Нет. Директор. Лично приглашал, собака. И Шура еще не мог одну жену этого шиноремонтника пригласить. С мужем-то и по телефону можно было обо всем договориться. *(Пауза.)* Так - идея. Светочка, тебе все равно делать нечего. Возьмешь этого Сергея на себя - пока с его женой мы беседовать будем. Трахаться с ним не надо. Справишься. *(Пауза.)* Ну, что - ночь прошла?

Вера. Твой полтинник. *(Отдает Семену пятидесятирублевку.)*

Семен. Карашо. За Федора сотню возьмешь без вычета - любовь. Ты уж постарайся - нужен мужик - пооригинальней. *(Вытаскивает из портмоне Веры еще десятирублевку.)* С твоего разрешения, Верочка, мужику твоему. В шахматистки-то за красивые глазки играть абсурд. Мужик-то твой - жмот.

Вера. Голова. *(Тихо стонет.)*

Семен. А мумие-то Федора - голову как рукой снимет. *(Смеется.)* А что жмот мужик, так то - голова, ковбой ливес штраус. Поскакал. *(Уходит.)*

Пауза.

Света. Все. Все. Когда я накоплю четыре тысячи и Семен воткнет меня в консерваторию - я прекращу. Слышишь, я прекращу. Все. *(Пауза.)* Квартира эта еще нужна. Коммунальщики же не дают петь, не дают жить. Они звери, а не люди. И на Алтае у нас была коммуналка. Разве я могла там оставаться, когда мама умерла и все узнали...

Вера. Что, все узнали?

Света. Ничего. Люди звери, звери! *(Плачет.)* А у меня нет характера - нет. И никогда его не будет.

Вера. И что сегодня с тобой? Во сне кричала. *(Ласково.)* Может и ты не даешь жить коммунальщикам? Все ж так относительно. Не обижайся. Если захочешь в будущем кооперативную квартиру, то тебе понадобится муж - хотя бы фиктивный. Шурика могу одолжить - ничего не возьму.

Света. Ты очумела? Фиктивный брак? Мне этот Шурик задаром не нужен. Ты считаешь меня проституткой? До сих пор? *(Пауза.)* Я же хочу стать оперной певицей - знаменитой, свободной, великой певицей. Я смогу тогда полюбить великого человека - с бескорыстным, целомудренным сердцем, гения - гения доброты. И он меня полюбит. Я рожу ему такого же гения, как и он сам. Нет - он не узнает, он никогда ничего про меня не узнает. *(Плачет.)* Ведь это алиби? Ведь это

тоже алиби? Да? Верочка? Потом, Москва - большой город: никто друг друга не знает. Я же буду его любить всю жизнь. Ты веришь?

В е р а. Трафарет. Верю. Нельзя говорить проститутке, что она проститутка. Прости. Понимаю. Москва - большой город - легко раствориться. *(Пауза.)* Я тоже бредила искусством - до беременности. Режиссер только самец попался. Аборт, бесплодие - и в натуре, и в образе. И в результате - не лучше своих родителей устроилась. Что говорить. *(Пауза.)* Знаешь, я была бы самым счастливым человеком, если б все твои желания осуществились. Прекрасная пора - молодость. Ты свежа, красива, своим бескорыстием хочешь покорить весь мир. Помню. И я такой была когда-то, и кожа у меня была, как у тебя - белоснежная. Все со временем меняется.

С в е т а. Все взрослые говорят, что молодость - прекрасная пора, а я не чувствую, ты знаешь, я не чувствую. Потом, ты знаешь, я сама не знаю - тоже голова что-то раскалывается.

В е р а. Было бы хуже, если бы не раскалывалась. *(Наливает, пьет.)* С детства не привыкла закусывать. *(Закуривает. Кашляет.)* Еще этот бронхит курильщика прицепился.

С в е т а. Трафарет! *(Раздергивает шторы.)* Взгляни - у тебя и сейчас белоснежная кожа! *(Пауза.)* Давай плюнем на все и поедem загорать в мой Алтай. На лошадях там покатаемcя - петь будем! Конец лета - самая пора. Ты же домохозяйка по трудовой книжке, а у меня еще неделя отпуска – не привлекут за тунеядство. К черту эту шалавную работу. Знаешь, ты мне поможешь поставить оградку и плитку положить маме на могилку. Плитка у меня с надписью здесь, на частной квартире - уже год как лежит. Послушай, какие замечательные стихи мама просила на плитку. Послушай:

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
(Продолжают вместе:)
Он их высоких зрелищ зритель.
Он в их совет допущен был -
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

Да, Верочка, да! Спасибо... Тютчеву... Почему я не могу ничего одна делать? Может быть, я - комнатное растение? Но что растет в Антарктиде? Ведь ничего не растет. Что я теперь без Семена? Даже не пингвин. Никого же у меня нет - никого. Вот ты у меня, правда, есть. А я у тебя есть?

В е р а. Конечно. Успокойся.

С в е т а. Жить, просто, не очень хочется.

В е р а. Пройдет. Потерпи.

С в е т а. Терплю.

В е р а. Пойду чайник поставлю - моя очередь. *(Сидит на месте.)*

Затемнение

СЦЕНА ВТОРАЯ

Квартира Саши и Веры. Ничем существенно не отличная от квартиры Семена. Саша и Семен сидят в гостиной и играют в шахматы. Гостиная отличается от спальни наличием стенки с хрусталем и книгами, журнального столика, кресел, дивана, телевизора.

Семен. Зеваешь, друг ситный - не прощаем. *(Берет лошадь.)* Загнал ты свою лошаденку. Ходи, время - деньги. Червонец-то жалко? *(Смеется.)*

Саша *(ходит шахматной фигурой)*. Лошадь жалко.

Семен. А мне червонец. *(Ходит шахматной фигурой.)* Шах, вареники ленивые, холодные, сопливые - когда б любил я вас душою всей. Ты стабильно уверен в своем протееже?

Саша. Сто процентов. Куда деваться. За счастье.

Семен. Маловато мы с них лупим. Пятьсот рублей - не деньги на такое место. Ис тебя я взял не больше за Веруху с перспективной жизнью. Благодетельствуем. М-да.

Саша *(ходит шахматной фигурой)*. Я пошел.

Семен. Туда. Боишься за турку? Жмот ты, Шура. За московскую прописку с гонорарами надо было драть с тебя уж не меньше трех штук. *(Смеется.)* Добрый я малый. Не обижайся. В настроении. Да, что б не забыть, завтра тебе политинформацию надо сделать. Два месяца осталось в кандидатах члена партии бродить. Не я один за тебя руку поднимать буду. Партия-то нужна?

Саша. Ходи.

Семен. И я говорю, что очень-то нужна. *(Ходит шахматной фигурой.)* Шах. Член партии - есть член с двумя эн. Там о Рейгане гуманисте-террористе воды нальешь, о Китае - перепись они собрались делать. Одумываются мудрецы-сорванцы-спускальщики. Сколько можно размножаться? А? Член с двумя эн? *(Пауза.)* Инъяз, говоришь, эта Галочка кончила? На отлично? А сейчас?

Саша. В хим институте - лаборантка - патенты переводит, за печкой еще следит. В лаборатории печка. Сотня в месяц - без вычетов - по трудовой книжке. Дочка на шее, родители. Все вместе прозябают. Жизненное пространство - тридцать квадратов. Дорога больше часа на один конец в работу.

Семен. Туда. Наша. Тепленькую возьмем - с печки.

Саша. Мужик в дерьме.

Семен. Инженер. Бум спасти инженера. Ты ему хоть намекнул, что самое главное - его баба?

Саша. Намекнул. Хочет в официанты.

Семен. Ой, Шура, валютные дела попихаем - на уровне. Хороша, говоришь?

Саша. В теле телка - Венера.

Семен. Понимаю я мужиков, что бабки за баб стегают. А что, и хороши наши бабенки. С иностранным языком теперь в штат возьмем. Давно мечтал. Доллары, фунты стерлинги - вареники с клубничкою. Америка - в элементе. Что не ходишь? Подсказать?

Саша. Сам. Сюда. *(Ходит шахматной фигурой.)*

Семен. Туда. Не обижают наших Машек фирмачи. Америка. Мат - в штате, Сашок. С партийными билетами меня поздравь - красненькими. *(Достает из-под шахматной доски два червонца, кладет их в карман.)* *(Смотрит на часы.)*

Время, сволочь. Но право первой любви за мной. *(Собирается.)*

Саша. Тебе ж за чулками.

С е м е н. Днем за чулками. Вот через два месяца станешь барином мэтрообразным - будем доверять больше. Ну - как зэки! (*Прощаются как зэки: ударом ладонь в ладонь.*) Пошел я. (*Уходит.*)

С а ш а. Как зэки. (*Достает с полки первую попавшуюся книгу, произвольно открывает, читает вслух.*)

«Мудрый Гомер говорил, что любая из женщин негодна:

Пусть целомудренна, пусть шлюха - но пагубны все.

Ведь из-за блуда Елены мужеубийство возникло.

А Пенелопы верность была причиной убийств.

Да, из-за женщины лишь была создана Илиада

И Одиссеи, виной лишь Пенелопа была.»

Паллад. (*Закрывает книгу.*) Бюль-Бюль-оглы. Пятый век нашей эры. Греческая эпиграмма. Пять рэ. Кому гонорар перепадает? (*Ставит книгу на место.*)

Входит Света.

С в е т а. Открыто было - я и зашла. Можно?

С а ш а. Привет. (*Оценивающе смотрит в упор.*) Сядь в кресло - расслабься. Скванность - это вина, это негодность. Эпиграмма, а ничего смешного. И тогда людей дурили. Не обращай на меня внимание, девочка. (*Смотрит на часы.*) Вы любите телек?

С в е т а. Люблю.

С а ш а. Любить - значит ненавидеть. (*Берет газету.*) Программка. По первой - труженикам села. По четвертой ни черта. По третьей - говорите ли вы по-испански - парле франсе. По второй - футбольчик.

С в е т а. Футбольчик?

С а ш а. Товарищеская встреча: сборная СССР - сборная Бразилии.

С в е т а. Пеле?

С а ш а. Пеле абзац - кубок века хапнул. Вы что, любите футбол?

С в е т а. Я люблю болеть.

С а ш а. Любить болеть - значит ненавидеть болеть. Здоровая логика. Включим. (*Включает телевизор, садится в кресло.*)

Комментаторский голос: «Говорит и показывает Рио-де-Жанейро. Говорит и показывает Рио-де-Жанейро. Мы ведем прямую трансляцию с центрального стадиона Рио-де-Жанейро, где сейчас перед вашими глазами блеснет праздник футбола: в товарищеском поединке скрестят свои шпаги наша сборная и сборная Бразилии. Стадион, вмещающий более ста тысяч зрителей, переполнен до отказа - просто яблоку некуда упасть. Дорогие товарищи, вот я вижу на противоположной трибуне группу наших туристов, благородно пожертвовавших своими отпусками, чтобы специально приехать в этот чудесный город Рио, поболеть за наших ребят. Так и хочется им сказать: мо-лод-цы! Хоть матч и товарищеский, но престиж, дорогие товарищи, есть престиж. Престиж нашего...»

В этот момент Саша выключает звук.

С а ш а. Башка трещит. У нас же есть наушники. (*Достает из шкафа пару наушников, одни дает Свете.*) Подойдут?

С в е т а. Безразлично. (*Прислоняет к уху одну наушницу.*)

С а ш а. Слышно?

С в е т а. Ага. Блохин, Веренеев, Шенгелия, Кипиани...

С а ш а. Кофе в этой Бразилии в прошлом году сгорел - так у нас на всю жизнь подорожал, зараза.

С в е т а. Ну, бей, бей! Мазила! Зачем они этого Андреева взяли?

С а ш а. Разбираешься, что ли? Роскошный город Рио - с голубой каемочкой. Вот где нам поработать. Только вот в Амазонке у них пираньи. И если на теле маленькая ранка, а вы в этой Амазонке - до скелета обнажат. А мальки с мизинец, сволочи.

С в е т а. Что с мизинец?

С а ш а. Пираньи – рыбки. И до скелета обглаживают - в секунду. Чушь рыбачья. Вот жизнь.

С в е т а. Бестолковый, ну до чего бестолковый этот Андреев. В центре - в стенку играть надо.

С а ш а. А вы еще и футболисточка?

С в е т а. А вы еще и рыбачок?

Звонок в дверь.

С а ш а. Опасная футболисточка. *(Встает.)* Это гут. Сережа тоже до футбола любитель - найдете тему. Важно, чтобы водочка Волгой-матушкой, да и в Амазонку - чтоб пираньи наших знали. А там свобода и независимость. *(Идет открывать входную дверь.)*

Затемнение

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Гостиная в квартире Саши и Веры. За столом, уже как полчаса, сидят Сергей, Галя, Саша, Света. Пьют, закусывают, разговаривают. Сергей и Света сидят в наушниках, одетых на одно ухо.

С е р г е й. Удобняк с этими наушниками, ребяташки. Никогда бы не додумался. Инженерная мысль. Зверь.

С а ш а *(разливает водку, поднимает бокал)*. За инженерную мысль - зверскую.

С е р г е й. Шура - ты Эйнштейн! *(Пьет один.)*

Света громко ставит свою рюмку на стол.

С а ш а. Нервы - это плохо. А вот в футболчик я бы сейчас поиграл и сам.

Г а л я. А вы слышали - от Озерова третья жена ушла.

С а ш а. Когда жены уходят, это плохо. Мужик, значит, был не мужик - хоть и Озеров. Нутро в мужике самое главное, ну и еще кой-чего, конечно, без чего детишкам не вылупляться. Пардон. Но мозги, все равно, на первом месте. Это только у китайцев они на втором. Каждому свое. А вот в футболчик я бы сейчас поиграл и сам.

С е р г е й *(вскакивает из-за стола, подбегает к телевизору)*. Ну! Гол! Ура-а! В железку их, шоколадненьких. Вот наши дают, а? *(Подходит к столу, разливает водку.)* Может, за наших? *(Пьет один две рюмки подряд.)*

Саша с Галей в это время уже танцуют медленный танец. Потом Саша взглядом показывает Свете на охмуревшего Сергея и уходит с Галей в другую комнату.

С в е т а. Давайте я с вами выпью за наших.

С е р г е й (*оглядывается*). Все наши ушли. (*Растерянно.*) С удовольствием. Где наша не пропадала. (*Пьет. Уставился на Свету. Неожиданно обнимает ее за талию. Сладострастно дышит.*) Я вами закушу. Идет?

С в е т а (*отстраняет его*). Руки! Вы же меня совершенно не знаете.

С е р г е й. Но вы же из их компании. Я хорошо знаю Сашу, Веру. Можете положиться. Вас смутила моя лысина? Я знаю, зачем мы пришли сюда. Я все знаю - мы с Сашей большие друзья. (*Хочет ее поцеловать.*)

С в е т а (*отстраняет его*). Вы, вы, лысый Эйнштейн. Прочь!

С е р г е й. И на прежней работе хамили. Смотрите - гол! (*Обнял ее и целует, когда Света посмотрела на телевизор.*)

С в е т а. Пустите! Зверь! (*Кусает Сергея в нос.*) Тьфу. (*Сплевывает.*)

С е р г е й. У-у! Мой нос!

С в е т а. Тьфу. (*Сплевывает.*) Вот гадость.

С е р г е й. Эйнштейн без носа, что без Нобелевской премии, бешеная собачонка. Еще кто из нас зверь. За кого тебя здесь держат, прищепка?

С в е т а. Вы, вы опережаете события. Понимаете? А самое главное в жизни - это уметь стоять на своем перроне и ждать.

С е р г е й. Дождешься. У-у-у! (*Гладит свой нос.*) У вас уже есть жизненный опыт - скажите пожалуйста. Надо предупреждать. У-у-у! (*Гладит свой нос.*)

С в е т а. Иначе поезд вашего счастья так никогда и не притормозит.

С е р г е й. С характером мадмуазелька. (*Наливает в рюмку водки.*) В поезде ништяк пить добрую водку. (*Пьет.*) А плохой водки в природе и не существует. Вы согласны, козочка с рожками? Тюп-тюп-тюп.

С в е т а. А козочек без рожек в природе не существует.

С е р г е й. Как сказать. Вам видней. (*Пауза.*) Вы, наверное, хороший, сердечный человек. Я вот на вас посмотрел - и сразу говорю. Что говорю, то знаю. Вы не подумайте - я не пошляк, не хам. Вы правы: скорее всего я лысый Эйнштейн. Обидно, конечно. Но не я один - успокаивает. Вообще, хочу вас поправить, сердечная козочка, от бескорыстия, так сказать, душевного: события опережает лишь тот, кто абсолютный debil. Меня, все-таки, принимают в вашу команду. Научили б лучше чему-нибудь. Я способный. Зачем вы меня обводите?

С в е т а. Потому что вы на меня нападаете.

С е р г е й. Но мы же в одинаковых футболках, девочка. Пасуйте. Другим тоже хочется шлепнуть по мячику иногда. Зачем зазнаваться? Или вы считаете себя центрфорвардом, мастером индивидуальной игры?

С в е т а. Пасовать? (*Задумывается.*) Вы знаете, я могу вам дать отличный пас. Секунду. (*Идет на кухню и возвращается с двумя гранеными стаканами.*) Держите. (*Дает Сергею один стакан.*)

С е р г е й. О, мы будем пить на брудершафт из граненых стаканов?! Вы хотите мне дать пас на ход? Потрясающий учитель!

С в е т а. Если тыльной стороной стакан приставить к этой стене, а к этой стороне стакана приложить ухо, то можно научиться всему сразу.

С е р г е й. К этой стене? Там же, как я понимаю, Саша и Галя. Опасный момент вы создаете. Что ж, только вперед, ваш покорный ученик. Поле надо видеть широко.

Света и Сергей садятся на диван, который стоит возле «той» стены, прикладывают стаканы, подслушивают. «Та» стена во время небольшого общего затемнения сдвигается на середину сцены. При освещении мы видим как Сергея со Светой в гостиной, так и Сашу с Галей в спальне.

Г а л я. Вот и все проблемы, Сашка: квартира, ребенок, работа, нервы, денежная недостаточность. Для Сережки еще теща с зятем. Что говорить.

С а ш а. Не говори. Жизнь глупа, паскуда. Раньше хоть любовь всякую недостаточность компенсировала.

Г а л я. Я не могу вспоминать «раньше», Сашка. Ведь в этой ужасной жизни все так бесовски детерминированно. Как я выражаюсь. Но из чего вытекло сегодня? Из чего вытечет завтра? Куда утекла любовь? И вроде бы не глупее других.

С а ш а. Из завтра вытечет ничто. В одну реку нельзя войти дважды. Демокрит, что ли, сказал. Гражданин мира. Нет - Диоген. Вечно путаю. И того и другого на «Д» зовут. Ладно - один черт. Нет, вот же шкет голый жил в бочке. Представляешь, когда Диоген увидел мальчика, который пил воду из ладошки, Диоген выбросил свою кружку и сказал, что какой он был дурак. Спектакль. Никто не хочет жить, как Диоген, хотя все им восхищаются. Не знаешь, почему?

Г а л я. Могу тебя уверить, Сашка, я сейчас ничем не восхищаюсь. Извини. Но ты мне что-то обещал сказать - для нас с Сережей что-то важное, жизненно важное. Я тебя перебила - извини.

С а ш а. Галчонок. Не дайте вы нам, мужикам, полетать - на землю тянете. Ладно, ничего, я земная тварюшка, как-нибудь не обижусь. Ты знаешь, давай-ка закури сначала. Сигареты вот, спички. Так. *(Зажигает для нее спичку.)* Воды вот стакан приготовим на всякий случай. *(Наливает из графина стакан воды.)* Ничего себе вода, кипяченая.

Г а л я. Зачем воды? Да из стакана. Мы, значит, продолжаем оставаться дураками?

С а ш а. Следишь. *(Берет ее руку.)* А у нас ладошки еще дрожат, как зимой воробышки. Целей вода в стакане будет - мы не дураки. Ну, лады. Короче. Это дело наше, значит, важное жизненно, или как его хочешь, собственно, характеризуй сама. Ну, короче. Мы, ну, то есть, я с Семеном, ну там увидим, если согласишься, значит. Не знаю, ну там и Сережку твоего можно подключить со временем. И даже сразу, думаю - способный же парнишка. Как твое мнение?

Г а л я. Очень способный.

С а ш а. Ну, вот видишь - в этом мы с тобой согласованны. Вот. Ну, так вот, короче: мы будем выводить на тебя в кабаке, нашем кабаке солидных товарищей. Скорее всего иностранцев. Ну и, значит, ты будешь с ними того... Короче, спать с ними будешь - бай-бай.

Галя отдергивает руку.

Не нервничай, Галочка, не нервничай. Вот, собственно. Мани-мани будешь получать у них валютой, а мы тебе валюту будем менять на рубли - с очень хорошим коэффициентом. Без проблем. Социально станешь домохозяйкой. В день триста рублей за просто так иметь будешь. С твоими-то данными. У тебя

потухло. *(Зажигает для нее спичку.)* От криминала гарантия полнейшая - статьи нет. Да и у Семена везде свои. *(Пауза.)* Чего тебе селедкой-то в бочке прозябать. Диоген бы задумался, если б ему предложили, к примеру, и, если б он был бы такой красивой и умненькой девочкой, как ты. Не нервничай - водички выпей. Вот. Так что, ты подумай - дураков наивных девственных и без нас сейчас хватает. Выпей водички.

Галя пьет.

Ну и с Богом. *(Берет ее руки.)* И ладошки как потеплели, любая кормушка для воробушек - весна долгожданная. М-да. Хата для работы будет. Таблетки противовенерические - вот они, французские. За четыре сотни за упаковку достаем. Вам, ну, то есть и тебе тоже - будем выдавать бесплатно. Одного зернышка хватает на две недели - так она, лекарства, действует. Видишь, желтенькое зернышко. *(Показывает одну таблетку.)* Ну, а от зачатия, там, спираль платиновую вставишь. Ну и мы подможем, что из западных пилюль подкинуть. Да и лимонами вон можно. Светка у нас лимонами. И витамины, как вроде, заодно, организм принимает. Лимоны тоже бесплатно, значит. М-да. Сплошной коммунизм, девочка моя. М-да. В акте рождения заключен акт смерти, а пожить в своем маленьком коммунизме хочется в своей, а не в будущей жизни - согласись. Начитался же я Веркиных книг. И у тебя время теперь для чтения появится. Вот, собственно. Ты умненькая девочка. Лады - думай. *(Встает.)* Я чайку пойду поставлю. *(Уходит на кухню.)*

Г а л я. Чайку? А Диоген пил только воду. *(Пьет.)* Диогену - диогеново. *(Ставит стакан.)* Подумать только, как Сашка сильно изменился. Все мы меняемся.

В спальне затемнение.

Освещается гостиная, где Сергей и Света. Сергей дует в стакан, потом ставит его себе на голову.

С е р г е й. Это корона или рог, а, рогатая козочка? Ученик задал вопрос. *(Дует в стакан.)* Семикопеечная стекляшка, но жизненно необходима. А, с другой стороны, без семи этих копеек получается Диоген - король философов. Что я говорю? Познание увеличивает незнание - так что нам ничего не известно, миленькая козочка. Я смог бы убить человека, ты не знаешь? Вот зверя я бы точно убить смог - зверского. Хорошо или плохо, что у меня нет сейчас пистолета. Дилемма. Невыносимо. Выпьем? *(Наливает рюмку водки, пьет.)* Ты-то что там сжалась вся. Холодно?

С в е т а. Знобит.

С е р г е й. А мне жарко. Не дадим друг другу умереть? *(Берет ее руку.)* Как ладошки-то дрожат, холодюшие, как зимой воробышки.

С в е т а. Нет! *(Вырывает руку.)*

С е р г е й. Не бойся - не трону. *(Показывает на телевизор.)* Смотри, первый тайм отыграли, мультики показывают. Цветные. Какой же счет? Вот зараза. Пить будешь?

С в е т а. Вина.

С е р г е й. Как раз полбутылки осталось. В рюмку, в стакан налить?

С в е т а. Из горла. *(Берет бутылку вина, выпивает из горла.)*

С е р г е й. Способная девочка. *(Наливает себе в стакан водки.)* А Диогену - диогеново. *(Пьет.)* Я до безобразия любил в детстве цветные мультики. Особенно снежную королеву - по Андерсену. Сказка. Сейчас же нечего смотреть. Хе, а у меня лысина вспотела. Мне бы головой играть - по-стрельцовски. А какие он пасы пяточкой отдавал - пальчики оближешь. Теперь так не играют. Жлобье одно осталось в бутсах. Похож я на Стрельцова, девочка, хотя бы в рыцарском смысле?

С в е т а. Обнимите меня, я никак не согреюсь.

С е р г е й. Давно бы так. Рыцарь принимает мяч - сердцем. *(Обнимает ее, садятся на диван.)* Вот сидеть бы так всю жизнь обнявшись - Андерсен. Ты любила Андерсена?

С в е т а. Я и сейчас его люблю. Больше всего на свете мне нравится Золушка.

С е р г е й. Но ведь это Шарль Перро.

С в е т а. Все может быть, все.

С е р г е й. Больше всего в женщине я ценю верность. За это я любому готов плотку вскрыть. А мне как-то предлагали пистолет за триста рэ. *(Пауза.)* Смотри, второй тайм начался! Включим звук?

С в е т а. Включим, если ты сможешь включить сейчас звук.

С е р г е й. А ты, девочка, еще и бесенок!?

С в е т а. Чего орешь? Выпей воды, успокойся.

С е р г е й. Воды? Если я начал играть, я с поля не ухожу, и воду во время матча не пью, даже если меня подбили на взлете. Вам пас - пяточкой. *(Дает ей пустой стакан и себе берет один. Опять подслушивают через «ту» стену.)*

Затемнение

Освещается спальня. Там Саша и Галя.

Г а л я. Да, Сашка, да. Тысячу раз «да». Ну как можно его любить - этого бывшего отличника, этого бывшего красавца, спортсмена, остряка, а теперь всего-навсего старшего мастера на каком-то шиноремонтном заводе. Я буду до конца откровенна, Сашка. Ты не представляешь, но мы ложимся в одну постель только по белым воскресеньям. Есть, Сашка, такое понятие - белое воскресенье. Согласись, ведь если Сережка в черную субботу вкалывает, то на черное воскресенье его, как мужика, не хватает. Что поделать - он не тех кровей. И квартира там ему не светит - со всеми переругался, все для него там хамы, подлецы, негодяи. А я женщина - я же красивая женщина. Я еще могу цвести, я еще хочу цвести! Ой, Сашка. Мы совершенно опустились. Даже книжку открыть в метро не могу. Наперед же знаю - не вникну, не предамся очаровательным иллюзиям. А как хочется хотя бы этих иллюзий. Я положительно никуда не выхожу. Театры, выставки, музеи - это для меня так стало далеко. Меня просто колошматит, если я смотрю кино, где показывают высокие человеческие чувства, любовь. Я положительно не понимаю, что для некоторых это все возможно, что это все вообще объективно возможно.

С а ш а. Запахали девочку, - вижу.

Г а л я. Не то слово. Вот недавно случай со мной: проезжий один в метро спросил, на какой станции «Современник», театр. Представляешь - забыла! И только через полчаса, когда приехала на свое Кунцево, вспомнила, что на Кировской. Дочка болеет - дача нужна. О чем мы, Сашка, разговариваем - о чем не нужно разговаривать. Тридцать лет скоро, а когда жизнь начнется, не

представляю. Никто нам не звонит, никому мы не нужны. А ведь было столько друзей. Хорошо, что тебя Сережка случайно в метро встретил, а то бы... Древние говорили, что одиночество - благо. Но ведь невозможно жить одним, невозможно.

С а ш а. Чай-то вкусный? Нравится?

Г а л я. Необыкновенный, Сашка. И ты необыкновенный - личность. И ты меня когда-то любил. Я тоже тебя любила. Не могу понять, почему я выбрала Сережку. Почему я думала, что тебе была нужна лишь московская прописка?

С а ш а. Все прошлое - что теревить. Прописка у меня теперь есть. Я тебя любил. Когда ты вышла замуж за своего теперешнего мужа, чуть не сдох.

Г а л я. Прости.

С а ш а. Естественно.

Г а л я. Ты меня не прощаешь.

С а ш а. Раньше не прощал. Да. Но теперь как-то все по фигу. Лучше искренне, так?

Г а л я. Искренность - это прекрасно.

С а ш а. По-разному.

Г а л я. Наверно. Кто может мне сказать, хочется мне жить или нет?

С а ш а. В конечном счете - всем хочется.

Г а л я. По-разному.

С а ш а. Вот именно.

Пауза.

Г а л я. Чай вкусный. У тебя особый рецепт?

С а ш а. Мура. Три зернышка соли на пол-литра воды. Всех делов. Соль - она фактуру чая оттеняет.

Г а л я (*отпивает*). И точно - мура. Но, послушай, как Сережка все воспримет? Ведь все же эти дела - это же страшней Освенцима. Если разобраться.

С а ш а. Да проще, Галка, надо смотреть на вещи - проще. Если разобраться, то ведь проституция - самая древняя профессия на земле. В конечном счете, каждый человек себя продает. Тело, по-моему, продавать не так страшно. Душу, главное, оставить живу. А от страшной жизни душа крепчает - века доказали. Парадокс. Алиби. Жизнь прекрасна и удивительна, Галочка.

Г а л я. Да. Но, послушай, какой-то феноменальный по ужасу и красоте кошмар. Голгофа.

С а ш а. Да ну проще все, Господи.

Г а л я. Но, послушай, я не представляю, как Сережка все воспримет. Ведь, в конечном счете, он все узнает.

С а ш а. Логично. Но ты не беспокойся. Все дело в том, что, что всю эту муру он знает. В тебе сомневались.

Г а л я. Как он все знает?

С а ш а. Ну, элементарно, ну, Галочка.

Г а л я. Сережка все знает? (*С болью смеется.*) (*Пауза.*) Я не обижаюсь на Сережку. Все мы дети этой жизни.

С а ш а. Логично. Если жизнь тебе дана - надо дружно жить.

Г а л я. Мой мозг слепнет, соприкасаясь с твоим.

С а ш а. Голова, головушка, головка. Мир красит пошлость. Откровенно, я за тебя рад - чисто по-человечески. Не сомневался. Молодец. Вот. Ну, тогда уж сразу, еще одно обстоятельство маленькое. Собственно...

Г а л я. Какое обстоятельство?

С а ш а. Да не существенное. Но обстоятельство.

Г а л я. Говори – чего ты расстерялся.

С а ш а. Я и говорю. Сам не знаю. Так. Ну, лады. Короче - мы сейчас с тобой должны... это самое... Ну, формально как бы... Ну, короче - чтобы предлагать тебя клиенту, я должен сам досконально знать все твои женские достоинства. Техника секса - это все вопросы, вопросы - они возникнут. Кое-чему тебе придется и подучиться - у меня. Раз ты решила. У нас такой порядок.

Г а л я. Ну, ты и бесстыдник. Ты уже забыл, как тебе было хорошо со мной? Ну, дочь родила, черт возьми. Я же тебе объясняла - белые воскресенья. Разве от них истаскаешься? А гулять за чувство - так нет у меня никакого чувства.

С а ш а. Не знаю - может, я недостаточно понятно изъясняюсь?

Г а л я. Я решила. Решила. Ты же меня любил, Сашка. *(Пауза.)* Что ты со мной сейчас делаешь, мой любимый Сашка. Что я с собой сейчас здесь делаю?

Пауза.

С а ш а. Все будет хорошо. *(Обнимает ее.)*

Затемнение.

Освещается гостиная.

С в е т а *(оттолкнув Сергея, который в это время ее обнимал)*. Пусти меня, мужик! *(Пауза.)* А что нам, бабам, остается делать? Ты что-то замолк, мой королевский рыцарь. Или ты уже не рыцарь? Нос обвис или другое?

С е р г е й. Я тебя сейчас изнасилую, сука! *(Наваливается на нее.)*

С в е т а *(отталкивая его)*. По-стрельцовски? Как дам по яйцам коленом! На ногах-то еле стоишь.

С е р г е й *(садится в кресло)*. По яйцам бить не надо. *(Закрывает лицо руками.)*

С в е т а. Я тоже на ногах еле стою. *(Садится на диван.)* Кончается у меня отпуск, а так и не съезжу теперь к маме. И памятник уже можно было. За два-то года земля осела. Сорняков там сейчас - тьма тьмущая. *(Закрывает лицо руками.)* Не всегда, однако, пяточкой можно дать отменный пас. Слышишь, полузащита? *(Смотрит на Сергея, который стоит уже в центре комнаты, размахнувшись стаканом, и хочет запустить его то ли в Свету, то ли в «ту» стену.)* А, вы уже нападение?! Ты уже стоишь на своих ногах?! Хвалю! Характер! Я тоже на своих ногах! *(Встает на диван.)* Ну - одиннадцатиметровый - бей!

С е р г е й *(с силой разбивает стакан об пол)*. Сашка был моим другом. Настоящим. Я бы его даже сейчас не пристрелил. Слишком легкая смерть. *(Подходит к дивину, ложится на него.)*

С в е т а. Я бы все равно пропустила. Стекол-то набил. Небольшая раночка на теле или на душе и пираньи тебя до скелета. И в Амазонку можно не нырять, когда живешь с людьми в Москве. *(Пауза.)* Заснул. Без подушки. Диогену - диогеново. Убрать надо. Веник. *(Уходит. Возвращается с совком и веником. Подметает стекла)* А какой же счет? *(Включает громкость у телевизора.)*

Комментаторский голос: «На этом, дорогие товарищи, разрешите с вами попрощаться. Всего вам самого доброго. До новых встреч в эфире. Благодарю за внимание.»

С в е т а *(выключает телевизор)*. Кончилось. Все когда-то кончается. Вот сесть бы сейчас на веник и улететь в эту Бразилию, может, там не так страшно.

(Закрывает лицо руками.) Мама, мамочка моя родная, извини меня, пожалуйста - ведь ты меня так сильно любила! *(С силой швыряет веник в угол комнаты.)* Гол. *(Садится в кресло.)* Нехорошо, говорят, подслушивать. *(Плачет.)*

Затемнение.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Квартира Семена. Света, Галя, Саша сидят в креслах. Сергей лежит на диване, слегка похрапывает. Звучит Луи Армстронг на маленькой громкости. Заходят Семен и Вера. На Вере короткая юбка, ноги в черных «сексуальных» чулках и в новеньких сапожках. В руках у Семена две коробки с сапогами и целлофановый пакет с чулками.

С е м е н. Салют, труженикам! А мы прибарахлились. Примерьте, Светочка, Галочка, чулочки сексуальные. Сапожки вот еще моднящие, по случаю, рванул. Примерьте.

Галя и Света одевают чулки, сапоги. Вера берет с папки книгу, открывает, садится в кресло.

Да, вижу, впору. Мой глаз - ватерпас. Чудненько. Пройдитесь.

Галя и Света встают, прохаживаются.

Юбчонки повыше. *(Задирает им юбки.)* Так. Секс! Чудненько. А где спасибо?

С в е т а. Спасибо.

Г а л я. Спасибо.

С е м е н. Носите на здоровье. Как по заказу. *(Гале и Свете.)* Так - шаг поуверенней, пободрей. Шик. *(Напевает.)* Когда б любил я вас душою всей. Та-та-та-та - как водится, у горизонта сходятся, зовут плясать, да только не меня. Ну, что вы такие грустные, будто воду на вас возили?

С а ш а. Вер, ты за сапоги отдала деньги?

В е р а. Ботаник отдал.

С е м е н. Потом, Шурик, сядь. Не порть картинку материализмом. *(Смотрит на Сергея.)* Ну и кто у нас здесь накачался - будущий официант или все еще шиноремонтник? Что вы скажете, Галочка?

Г а л я. Что?

С а ш а. Все в ажуре, Семен - не будем.

С е м е н. Это хорошо, что все в ажуре-абажуре. Ну и накачался - от счастья, значит. К утру-то отойдет? Ему завтра в одиннадцать с трудовой книжкой ко мне. *(К Гале.)* Где ресторан-то, знаете?

С а ш а. Мы созвонимся - вместе подведем.

С е м е н. Когда все вместе - это групповик. Это хорошо – это веско сексуально. *(Пауза.)* Светочка, спой нам что-нибудь под групповичок. Спой - сапожки подарю. *(Хлопает в ладоши.)*

С в е т а. Выступает!!! *(Выходит на середину комнаты.)* Я выступаю. *(Поет.)*

Люди гибнут за металл!

Люди гибнут за металл!

Сатана там правит бал - там правит бал!
Сатана там правит бал - там правит бал!
Фигаро здесь! Фигаро там!
(*Опять садится в кресло.*)
С е м е н. Нет, ребята, вы явно пить не умеете - с вами надо провести занятие.
(*Поет.*) Фиииигароооо! О -о! О-о! Где-то я все это слышал.
С в е т а. Это любимая ария моей... Моей души.
С е м е н. Душа - потемки. Сапоги дарю, хотя и не ублажила. М-да. Галочка, я вас хочу пригласить на танец. (*Берет ее руку.*) Хороша. Не здесь. Верочка, ты там постель после ботаника сменила?
В е р а (*сидит на диване; на коленях раскрыта книга; задумчиво смотрит поверх книги в отдаленную точку.*)
«Упоительно встать в ранний час,
Легкий след на песке увидеть,
Упоительно вспомнить тебя,
Что со мною ты, прелесть моя.

Вместе со Светой.

Я люблю тебя, панна моя,
Беззаботная юность моя,
И прозрачная нежность Кремля
В это утро как прелесть твоя.»
С е м е н. Рехнулись вы все, что-ли - не только поэтически? (*Подходит к Вере, берет книгу.*) Александр Блок. «Утро в Москве.» (*Смотрит на часы.*) А сейчас вечер. Вредно на ночь стишки читать. Пошли, Галочка, на пару слов.
С в е т а (*берет Галю за руку*). Семен, не трогай ее, пожалуйста. Саша уже все ей растолковал. Не трогай.
С е м е н. Растолковал? Хорошо. Ну, а я практически-реалистически.
С в е т а. Саша уже все ей практически!
С а ш а. Болтает, шлюха.
С е м е н. Гоп-стоп, половой разбойник. У меня право первой любви воруеть?
С а ш а. Да врет, ты посмотри - спятила же.

Галя обнимает Свету.

С е м е н. Тогда и эта спятила. Некрасиво получается. Сашульчик. Некрасиво. У нас с тобой будет долгий разговор. Ну что же, тогда я буду первым клиентом.
(*Достаёт деньги, засовывает Гале за грудь.*) Сотня там. Ну. (*Берет ее за руку.*)
С в е т а. Вот тебе деньги за сапоги. (*Достаёт из своего портмоне деньги.*) Вот - здесь двести рублей. (*Отдает Семену деньги.*) И еще вот сотня. (*Вытаскивает из Галиной груди деньги, отдает их Семену.*) Хватит?
С е м е н. Ну, это борзость. Держите меня, но я не пьян. Девочки, но ведь не вы мне нужны - я вам нужен. Что за номера? Светульчик, тебе пора у койку - детское время. Баиньки. Я тебе сделал постоянную кроватку, а могу тебя с нее и сдуть. Певичка арий по мозгам. Не надо больше этих песен-арий.
С в е т а. Я не отдам тебе Галочку. (*Встает между Семеном и Галей.*)
С е м е н. М-да. Ну не хочется же мне применять силу.
С в е т а. Я не боюсь тебя.

С е м е н. А зачем меня бояться? Я разве страшный? Нет, как она выступает - с чувством, мило, справедливо. Ты пьяна, малютка. Завтра пятки полизать мне хочешь? Связался же с совершенно невразумительной пипишкой. Ты что думаешь, если тебе делает протезе моя знакомая шлюха, то ты можешь вести себя безнаказанно?!

С в е т а. Вы, не благородный человек. Вы, не благородный человек! Моя мама не шлюха. Моя мама не шлюха!

Пауза.

С е м е н. Жанна - твоя мать? Что за бред? Когда это она еще успела? Что ты мелешь, деточка? Эта сифилитичка Жанна твоя мать?! Царство ей небесное.

С в е т а. Она бы не умерла от сифилиса, если б у нее была здоровая печень.

С е м е н. Побаливала у нее печенка, побаливала.

С в е т а. Ртуть, мышьяк, йод - это не для нее. Она бы раньше умерла, если б лечилась.

С е м е н. Четверка крестей - козырная. Рассмешила. Знаем ваши карты. Даже простить хочется. Жанна ее мать. Весело коцунствуешь - хватайте меня. Ну, помог я тебе, как ее единственной ученице и ее лучшей подружке, как она просила в рекомендательном письме, что ты мне всучила. Хотя я до сих пор не верю, как ты успела стать со своими годами ее лучшей подружкой. Лесбиянкой Жанна не была.

С в е т а. Она просила, чтобы вы сделали из меня проститутку?

С е м е н. Ты сама этого захотела - сама.

С в е т а. Мне ничего не оставалось, когда меня ... вы... положили... спать с собой. *(Отрешенно)*. Когда меня вы нежно совратили...

С е м е н. Это еще кто кого совратил, милейшая моя. Ты сама согласилась и захотела стать... любимой всеми женщиной... актрисой. А как ты сможешь стать актрисой, если не умеешь ты... давать?.. Ее еще тут учишь понимаешь и платишь ей за то, что ее учишь.

С в е т а. Мне плохо.

С е м е н. Мне тоже плохо, маленькая девочка. Знай, что моя и ее единственная дочь умерла от врожденного сифилиса семнадцать лет назад, на третьем году своей крохотной жизни. *(Подходит к столу, наливает стакан водки, пьет, закуривает.)* *(Пауза.)* Никому, никогда не рассказывал. Вот этими руками я посадил красные розы на могилку своей Эвридики. Там, у вас на Алтае - семнадцать лет назад. Приезжал. Чудное имя ей Жанна все-таки придумала. Эвридика. Шлюха.

С в е т а. Нет!!!

Амплитуда храпа Сергея.

С е м е н. Да, к сожалению. Жанна была самой классной шлюхой, которую я когда-либо знал и любил. Ты-то мне очки не втирай. Жанна меня совратила. Она привела меня в кабак, в свой кабак. А потом он стал нашим, а теперь вот моим кабаком. Чудесную дочку она мне родила. Не от кого-нибудь - с моим родимым пятнышком на спинке. Только, только после рождения Эвридики: сначала у Жанны - кормить не могла, а потом и у меня спирохетные симптомы. Дела, понятно, имели только с частниками. Я был тогда уже официантом - в шею погнали бы с работы. Молоком кололись, в Мацесту ездили - на серные воды... ртуть, мышьяк...

Дела... А у Эвридики - никаких признаков болезни. Вассерман отрицательный, развитие как у нормального ребенка. У нее был врожденный. Врач сказал, что такая штука может дать о себе знать через месяцы, через годы - сразу бьет на третичный период, а там как-то. Я был злой, я превращался в зверя. Жанна не лечилась. Правильно - печень. Еще эти ее репетиции. Конечно, дома. Сдалась ей опера. Был бы дар, образование. А то ж - самоучка. Тут еще - соседи. Эта коммуналка. *(Наливает водки, пьет.)* Это меня доконало. Я начал ее бить. М-да. Я, как садист, хотел видеть ее слезы, слышать ее настоящие рыдания. Она же бациллу в дом притащила. А Жанна смеялась и пела, смеялась и пела. Никогда не забуду, как я ее бил, а она смеялась и пела, тварь. Царство ей небесное. Кончилось тем, что она меня бросила. Сломалось в ней что-то, не выдержала - уехала из Москвы вместе с Эвридикой. Потом как-то пришла телеграмма с Алтая. Там сообщалось, что Эвридика умерла. Ну и хорошо, что в детстве. Отошла безгрешная душа моей дочурки в рай. Царство ей небесное. Вот этими руками я посадил красные розы на ее могилочке... Как я любил свою Эвридику. Вы не представляете. Я Жанну там тогда чуть не прирезал. Она говорила, что это я их заразил. Вот так и свалили вину друг на друга, а Эвридики нет. *(Пауза.)* Сам-то с трудом из болезни выскребся. До сорока восьми градусов температуру нагонял. Молоко с йодом в вену. Кому говорю - никто не верит. Организм собачий. Не было тогда таблеток по триста рэ противосифонных. Вам это не грозит. Вот так - не всю жизнь Семен в холостяках ходил. Так-то. Ладно, сегодня я всех прощаю. Если тебе легче, девочка, зови Жанну своей матерью, но запомни: ей я ничего не должен. Почему мы женщинам всегда чего-то должны?

В е р а. Ты, вроде, как бы подобрел, Семен. Никогда о себе не рассказывал.

С е м е н. А я разве о себе рассказывал? Верка, у меня богатое воображение.

Амплитуда храпа Сергея.

Да переверните вы на бок этого храпуна!

С в е т а. Папка! Нет. Нет. *(Рыдает.)*

С е м е н. Она сказала? *(Оглядывает всех.) (Пауза.)* А меня ты, значит, хочешь звать папкой? Смешливая попалась. А может, разрешить тебе? *(Пауза.)* С комплексами гёрл.

С в е т а. Нет! *(Рыдает.)*

С е м е н. Плачет. *(Нервно смеется.)* Ну, зачем ты плачешь, девочка? Я разрешаю. Я добрый сегодня. *(Нервно смеется.)*

В е р а. У нее такое же родимое пятно на спине, как у тебя, Семен. Не знаю.

С в е т а. Нет. *(Рыдает.)*

С е м е н *(к Вере)*. Что ты сказала? Откуда такие сведения?

В е р а. От верблюда.

С е м е н. Не спешите меня поздравлять. Черт восточный. *(Пауза.)* Но я же с ней был - право первой любви. Я бы заметил пятнышко родимое.

С в е т а *(рыдая)*. Мне мама еще сказала, что когда тебе в Москве станет очень, очень плохо, скажи Семену, что до трех лет тебя звали Эвридикой. И вот мне сейчас очень, очень плохо, и вот я сейчас сказала, что до трех лет меня звали Эвридикой, но мне не легче - мне еще хуже, хуже. Я, наверно, опередила время, но я же не знала, что ты жив, папка. *(Плачет.)*

С е м е н. Инцест. Фашизм. Фрейдизм российский и международный. Но я же не Гитлер, ребята. Ну-ка!!! *(Резко подходит к Свете, задерживает ей блузку со стороны спины.)* Точно. Обыкновенный сталинский фашизм. Воскресла. И ожог

там рядом. Простудилась раз малышка - банки ей ставил. Знал же, что все равно ей смерть, а, тем не менее... Вот был милый человек. Если кто простудится - могу поставить эти банки. Я умею. Я не говорил?.. Этот ожог случайный. Случайный. *(Наливает в стакан водки, пьет.)* Сколько можно пить? А у нее доброе сердечко - она же заступалась тут за кого-то. Снег на голову в экваторе. Жанны все это штучки. Умеют женщины мстить. Вот этими руками она заставила посадить красные розы - розы любви на могилу моей Эвридики!

Света громко плачет.

Да успокойте ее кто-нибудь! *(Пауза.)* Жанна сама просила, чтобы я ей подыскивал клиентов - сама!!!

В е р а (как бы себе). У всех очень четкое алиби.

С е м е н. Алиби? Алиби. Латинское слово. Обозначает - в другом месте. Хорошо бы. Гром среди ясного небесного покрова. Я не виноват - такая наша жизнь - работа - господа-товарищи-отцы. *(Вере, умоляя.)* Застегни ее. Такая нежная белая кожа, родимое пятно - так отчетливо. Я не могу этого видеть, я не выдержу!

Вера хочет застегнуть Свете блузку.

С в е т а. Сама! Сама!! *(Пауза.)* Прости, Верочка, застегни меня, пожалуйста.

Вера ее застегивает, потом обнимает. Света всхлипывает.

С е м е н. А Жанна только смеялась и пела, смеялась и пела - никогда не забуду. *(Пауза.)* Что плакать - слезами горю не поможешь. Не я придумал эту нашу жизнь, эту жуткую историю. Перестань плакать. Как дочери говорю, перестань плакать. Жуть.

С в е т а. Я боюсь этого человека, Верочка! Спаси меня!! Я же совсем одна. Я люблю тебя, Верочка. Ты гений, гений доброты, Верочка! Мне некого больше любить. *(Целует Веру.)*

С е м е н. Сумасшедший дом. Может, мне выйти куда-нибудь - пока? Что-то так меня всего ломает совершенно.

С в е т а. Я не Эвридика. Мне так плохо. Голова. *(Теряет сознание.)*

Вера поддерживает Свету.

В е р а. Сознание потеряла.

Г а л я. Обморок.

С а ш а (Семену). Может, «скорую»?

С е м е н. Не знаю. Мумие, может?

Г а л я. Расстегните воротник. К окну - свежий воздух. Я сейчас полотенце... *(Уходит.)*

Свету подносят к окну, расстегивают воротник на блузке. Возвращается Галя с мокрым полотенцем, протирает Свете лицо, грудь.

В е р а. Ну, все - ожила, кажется. Попить ей воды.

С е м е н. Сейчас. *(Бегом бежит на кухню, приносит стакан воды.)* Вот.

Света пьет.

В е р а. Принесите к окну кресло, ей надо сесть.

Семен бегом приносит кресло к окну.

С е м е н. Вот.

Свету усаживают в кресло.

С е м е н. Ее надо ко мне. Она будет жить теперь у меня. Я же ее отец... Теперь... выходит... Бывает же. Дочурочка воскресла.

В е р а. Тише, она что-то хочет сказать.

С е м е н. Я - тише.

С в е т а. Верочка, а ты, ты любишь меня? Я тебя сделаю самым счастливым человеком на свете. Я обязательно прославлюсь, мы уедем отсюда, мы будем ездить по всему миру. Я буду петь, как Мария Каллас. Можно?

В е р а. Я тебя и такую люблю, как свою дочь. Я и сейчас счастлива. Но только можно, я буду звать тебя теперь Эвридикой? Моей Эвридикой.

С в е т а (*встает, улыбается; с болью*). Я всем разрешаю. (*Целуется с Верой, Галей. Дает для поцелуя свои руки Семену, Саше. Подходит к окну.*) А смотрите - луна ярче любой звезды, она больше любой звезды. Это от того, что луна сильнее и бескорыстнее всех любит солнце. Солнце - это жизнь, его надо всем обязательно любить... Любить... (*Пауза.*) Знаешь, папка, мы завтра же поедим к маме. Поставим ей оградку, памятник, плиточку положим, и ты посадишь ей красные розы - розы любви. Мы и Веру с собой возьмем - мы всех с собой возьмем. Я вас всех научу кататься на лошадях, научу петь, научу радоваться жизни. Я не лунатик, нет. Вы что такие скучные? (*Пауза.*) Папка. Я еще не болела этой болезнью. У меня редкий случай, но это бывает. Мне врач говорил, если что, то сразу наступит третичная форма. Возможно бесповоротное нарушение психики. Мне страшно. Но ты что-нибудь сделаешь, я тебе верю. Ты же все можешь, папка! Я больше не буду засорять твою ванну лимонами. Ртуть, мышьяк мне нельзя. Я вся в маму. Я же тоже люблю солнце, папка! Я всех научу радоваться жизни! (*Истерично смеется.*) Мама, мама тоже так смеялась, когда ты ее бил? (*Рыдает.*) Разве так любят, папка?! Что же вы не радуетесь жизни?! Вы же жизнерадостные люди! Верочка! Мамочка! Я буду петь! А-а! (*Теряет сознание, падает в кресло.*)

В е р а. Воды!

С е м е н. Принесите воды!

Саша приносит из кухни стакан воды. Вера мочит полотенце, протирает Свете лицо.

С е м е н. Вот так я в ад как будто и приехал по дороге в рай.

С а ш а. Как змея гипнотизирует.

С е м е н. Верочка, вот тебе ключ от моей квартиры. Помогите, Галочка. В мою спальню. Помогите отнести. Я думаю - ничего страшного.

Вера и Галя уносят Свету.

С е м е н. А полотенце забыли. *(Бросает полотенце в угол комнаты.) Мокрое. (Вытирает руки о штаны.)*

Пауза.

С а ш а. Ну что, можно тебя теперь поздравить?

С е м е н. Что?! *(Пауза.)* Не верю - может, утром поверю.

С а ш а. Утро вечера мудренее.

С е м е н. Заткнись! *(Пауза.)* Ведь посудомойкой она у меня числится. Ведь справку приносила, что здоровая. Вассерман отрицательный. Врачи ведь соображают что-то. Четыре креста. Еще отца родного под монастырь подведет.

С а ш а. И быстро спирохета при сорока восьми градусах гибнет?

С е м е н. Что? Я здоров, я совершенно здоров. Я не больной.

Входят Вера и Галя.

В е р а. Она тебя зовет, Семен.

С е м е н. Иду, иду - отцовские обязанности. Ты не забудь завтра, Шура, политинформацию: Китай, Рейган. И к одиннадцати без опозданий. *(Пауза.)*

Слышь, а мумие помогает? А?

С а ш а. Ты меня спрашиваешь?

С е м е н. Дочь. Реально моя дочь. *(Уходит.)*

С а ш а. Ты не сердись на меня, Галочка?

Г а л я *(как бы себе)*. В этом мире нет виновных, Сашка.

Амплитуда храпа Сергея.

С а ш а. Хоть здесь человек выспится. Нет - как он храпит. Может, его толкнуть? *(Подходит к Сергею, толкает.)*

С е р г е й *(просыпается)*. Уфх. Хууу. Бурратино. Где я? А, привет, ребята. Ты здесь, Галочка? Ну и сон мне снился - кошачья радость... Воды кипяченой с ладошки... *(Берет со стола стакан. Нюхает. Льет на ладонь содержимое. Лижет с ладони. Потом половину содержимого стакана выпивает, половину плескает в лицо.)* Хорошая вода - кипяченая. Совсем как... серебристая водяра. Я никому не советую быть Диогеном. А сколько времени? Какой счет? Вы мне не мешайте сон досматривать - не мешайте. Там Стрельцов колотит такой гол... Это я дал пас Стрельцову... Тюп-тюп-тюп. *(Ложится на диван, засыпает.)*

С а ш а. И чтобы Фрейд сказал по нашему-то случаю? Опять все в патологию б увел, когда такая солнечная ясность на Земле.

В е р а. Заткнись.

С а ш а. Чего это заткнись? С книжками своими надо Бытие соизмерять, если покупаешь книжки. Зачем тогда их покупать, если тебя не волнует углублённое объяснение мира? Вот я точно знаю, что нам в данном житейском случае, для ясности надо попользоваться поэмой веронского врача Фракастора, написанной в шестнадцатом веке о короле Алкитусе и его свинопасе Сифилусе, не чтившем богов. Ну-ка, энциклопедию. *(Берет с полки том энциклопедии, раскрывает.)* Точно - вернячок. Вот память - все помню и знаю. Талант как в землю зарывается. И то не вою. Просто чту скромно Бога разума. Что и всем советую. Жалко только, что от большого знания и незнание тоже сильно увеличивается.

Галя подходит к Вере, что-то ей говорит, потом идет в спальню.

М-да. Время? *(Смотрит на часы.)* Двенадцать. Ну-ка, проверим. *(Включает радио.)*

Д и к т о р с к и й г о л о с: «Начало шестого сигнала соответствует двадцати четырем часам московского времени. *(Идут сигналы.)* В Москве полночь, в Астрахани - два, в Улан-Удэ и Красноярске - шесть, на Сахалине и Камчатке - девять часов утра».

С а ш а *(выключает радио)*. Утро - вечера мудренее. Может ребята у нас останутся?

В е р а. Галя уже постель стелет.

С а ш а. Очень хорошо. *(Глядя на спящего Сергея.)* А можно, я ей пойду помогу?

В е р а. Ты у меня спрашиваешь? Трафарет.

С а ш а. М-да. Слушай, вот все хотел тебя сегодня спросить: ребята с загранки приехали, «Форд» задарма продают. Пятнадцать тысяч. Возьмем?

В е р а. Бери.

С а ш а. Ты мне денегжат подкинешь?

В е р а. Уйди.

С а ш а. Спасибо, Верочка. *(Чмокает ее. Смотрит на Сергея.)* И что, у этого офицьянта тоже дочь? Бурратинка. Инженерная мысль. А ты мумие для головы попробуй - как рукой голову снимет. Пардон. Три рубля грамм все-таки. *(Уходит.)*

В е р а. Голова. *(Двигает к стене спящего Сергея, стелет себе рядом. Задергивает шторы. Приносит стакан воды, растворяет там мумие, пьет. Берет с полки книжку, ложится в постель, закуривает. Хочет читать - не получается. Выключает торшер.)*

Армстронг уже давно перестал петь, а пластинка все шипит на последнем обороте и шипит.

Затемнение

Москва, 1981

